

ПРОФИЛЬ КУМИРА

Жан-Поль Бельмондо, самый популярный актер Франции, владеет теперь театром Варьете. «Это один из самых престижных парижских театров, и я не хочу, чтобы он достался людям, которые ничего не понимают в искусстве», — объясняет Бельмондо корреспонденту «Пари-матч» Пепите Дюлон.

— Покупая Варьете, вы воплощаете надежды вашего отца?

— Да, это правда. Он говорил мне: «Малыш, когда же ты по-настоящему займешься своей работой?» И если он что-нибудь видит сверху, то, я думаю, он этим доволен.

В молодости я проводил все дни напролет у Варьете и глазел на афиши с Фернанделем и Сашой Гитри. Я и не представлял тогда, что настанет момент, и это место станет моим домом.

ОБОЖАТЕЛЬ ГЛУПОСТЕЙ

— То есть покупка Варьете — это мечта, которая стала теперь реальностью?

— Нет. Молодые актеры всегда мечтают о главных ролях, в крайнем случае о том, чтобы руководить труппой, но никак не о том, чтобы быть собственником.

Вообще я всегда думал, что жизнь должна идти так, как она идет. У нее больше воображения, чем у нас, поэтому лучше предоставить ей самой действовать. Главное — не замыкаться в себе, не отгораживаться от нее. Порой, когда я поступал таким образом, люди говорили мне: «Это глупость». Но если в жизни не делать глупостей, то тем более ничего не произойдет.

— Этот театр станет семейным делом, ведь вы назначили своего сына Поля администратором?

— Да, но пока настоящий администратор — это я. Поль погружен в свои бесконечные гонки. Но я надеюсь, что пройдет время, и он займется этим по-настоящему. Впрочем, этого и следовало ожидать — ведь еще малышом он просил покупать ему маленькие машинки.

— Ваша мать тоже не сразу распознала вашу страсть?

— По крайней мере она никогда не считала, что я ничтожество. Хотя я был настоящим сорвиголовой: ходил в школу больше для того, чтобы драться, чем ради занятий. Я обожаю мою мать. Ей девяносто лет, и она великолепна. Она всегда была нежным и безжалостным судьей.

— Это она привела вас в первый раз в театр?

— Да, вместе с моим отцом. Мы были в Комеди Франсез, мне было тогда двенадцать или тринадцать лет. Когда я ходил в театр с родителями, я вел себя очень скромно и тихо. Но с товарищами я был совсем другим. Помню, как мы ходили во дворец Шайо только для того, чтобы бросаться игрушечными стрелами в парики актерам. Позднее я заплатил за то, что был таким гнусным...

Перевела с французского

Марина ИСАЕВА.

Жран и сына. - 1998 -

12-19 марта (и т.д.) - с. 13